

Оглавление

Пролог. ИМЕНА	9
Глава первая. ЗАКРЫТЫЙ ГОРОД	14
Глава вторая. РОК-Н-БУРГ	50
Глава третья. МИТИНГРАД	86
Глава четвёртая. СТОЛИЦА РЕСПУБЛИКИ	127
Глава пятая. БАНДЫ ЁБУРГА	161
Глава шестая. ГРАД ОГЛАШЕННЫЙ	202
Глава седьмая. В ГОРОДЕ Ё	242
Глава восьмая. ИСТОРИИ ОДНОГО ЁБУРГА	281
Глава девятая. ГУБЕРНСКИЙ ЦЕНТР	317
Глава десятая. УВИДЕТЬ ЁБУРГ И УМЕРЕТЬ	353
Глава одиннадцатая. ОГНИ БОЛЬШОГО ЁБУРГА	390
Глава двенадцатая. ПАРНИ ИЗ НАШЕГО ГОРОДА	426
Глава тринадцатая. НЕСПЯЩИЕ В ЁБУРГЕ	465
Глава четырнадцатая. ИДЕАЛИЗМ + АМБИЦИИ = ЕКАТЕРИНБУРГ .	503
Эпилог. ВЫСОТА	540

ПРОЛОГ

ИМЕНА

Он уже почти не помнил, что его называли Екатеринбург.

Город был самим собой два столетия, а в 1924 году советская власть взяла и переименовала его в Свердловск. Яков Свердлов, большевик и боевик, жил в Екатеринбурге в 1905–1906 годах: приехал по приказу партии, проводил митинги, устраивал стачки, создавал боевые дружины, а заодно женился на дочери купца-миллионера. Жандармы вычислили смутьяна, и он бежал — перед пикетом на городской заставе ловко изобразил рожаящую бабу. Екатеринбургские товарищи уважали Свердлова за жёсткую бандитскую хватку и за талант организатора, однако в лихой жизни знаменитого большевика Екатеринбург был просто парой эпизодов — не самых долгих и не самых важных. Воли и энергии Якову Свердлову хватало на всё, а совесть его не угнетала: в 1918 году он утвердил решение Уралсовета расстрелять в Екатеринбурге царя вместе с семьёй. Сам же Свердлов умер в 1919 году в возрасте 33 лет: то ли его свалил грипп-испанка, то

ли до полусмерти избили рабочие. Через пять лет Екатеринбург стал Свердловском.

Прошло больше полувека. Все феномены, благодаря которым нация знала о городе, оказались уже свердловскими. Родовое венценосное имя города исчезало из сознания нации. А имя города — это его статус, его программа, его судьба. Обо всём таком робко напоминали местные достопримечательности, но кто же слышит их голос, кроме улетевших по теме краеведов? От бывшего славного Екатеринбурга остался последний общезначимый артефакт — дом инженера Ипатьева.

Этот особнячок на склоне Вознесенской горки знала вся страна, хотя его не описывали путеводители. В этом доме последние свои месяцы провела царская семья — отрёкшийся император Николай II, императрица Александра, цесаревич Алексей и княжны Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия. В ночь с 16 на 17 июля 1918 года в подвале дома Ипатьева большевики расстреляли и добили штыками «граждан Романовых», их слуг, врача и даже комнатных собачек.

Честный заводской парень Свердловск не захотел быть причастным к такому злодеянию. Чур меня! Убийство произошло в Екатеринбурге! Посреди советского трудового Свердловска стоял неприкасаемый дом Ипатьева — проклятый остров старого города, последний носитель имени Екатеринбург. Лишь гибель царской семьи, страшная жертва, удерживала имя города, следовательно, неразрывность истории и целостность души, потому расстрел Романовых так значим и ныне, хотя уничтожение невинных людей — неправильная «точка сборки» для бренда.

Дом Ипатьева как заноза напоминал стране о казни Романовых и о городе Екатеринбурге. А приближалась годовщина расстрела — 60 лет. Ходил слух, что ЮНЕСКО думает включить дом Ипатьева в список объектов всемирного наследия. И в 1975 году председатель КГБ СССР Юрий Андропов обратился в Политбюро с ходатайством о сносе дома. Политбюро приняло секретное постановление. Через два года, в сентябре 1977 года, поневоле взяв на себя всю ответственность за это решение, первый секретарь Свердловского обкома КПСС Борис Ельцин распорядился начать снос. К зданию подъехал автокран с «шар-бабой» и за пару дней превратил особняк инженера Ипатьева в груды битого кирпича. Грузовики увезли мусор, а осенние дожди прибили пыль. Всё. Нет дома — нет проблемы.

Советское общество давно смирилось с мыслью, что расстрел царской семьи был необходимостью военного времени. Однако снос дома Ипатьева выглядел так, будто власть замечает следы преступления. Акция властей получила обратный эффект: отсутствие дома оказалось хуже присутствия. Снос ипатьевского дома интеллигенция города не стерпела и смутно зароптала: «Всё у нас неправильно!»

В результате в 1981 году Свердловск взбудоражила книга писателя Бориса Рябина «Город, где мы живём» — беседы о городе с художником Львом Эппле, экологом Владимиром Большаковым, архитектором Геннадием Белянкиным. Рябинин честно и прямо писал о разрушении городской среды — культурной и природной. В ответ огрызнулся, но исправлял ошибки секретарь обкома Ельцин. Хотя это был только первый

круг от брошенного камня. Уже через пять лет голос города обрёл полную громкость: заговорил Свердловский рок-клуб. Заговорил о самом главном, о невыносимом, о том, что важно для всех, а не только для города Свердловска. И дальше пошло-поехало. Тектонические сдвиги истории сопровождались рёвом митинговых мегафонов и грохотом бандитских автоматов.

Конечно, не снос ипатьевского дома был тому причиной. Но ведь надо с чего-то начинать. Обретение себя Екатеринбург начал с упрямого недовольства за особняк инженера Ипатьева. И в 1991 году городу вернули родовое имя.

Но официального переименования было мало, и вот такого никто не ожидал. Город разрывало удивительными событиями, грандиозными переменами, жуткими откровениями эпохи. Судьбу подстёгивали пассионарии. Для их города название Екатеринбург было слишком «дисциплинированным». Язык искал адаптированные варианты. По аналогии с Питером был предложен стильный Катер — но нет, не прижилось. И тогда явился Ёбург. Название вызывающее, наглое, хлёсткое, почти непристойное. За него можно было и по морде получить. Но так выбрал язык, а он знает технологии семантики и чует магнитное притяжение коннотаций.

Даже на слух энергичное и краткое название Ёбург как-то соответствует сути того Екатеринбурга — города лихого и безбашенного, стихийно-мощного, склонного к резким поворотам и крутым решениям, беззаконного города, которым на одной только воле рулят жёсткие и храбрые, как финикийцы, лидеры-харизматики. Они

были титанами, потому что в их поступках говорила история. И хулиганское имя Ёбург было символом прекрасного и свободного времени обновления.

Всё проходит, и Ёбург в прошлом. Бурного Ёбурга уже нет, есть богатый и престижный мегаполис Екатеринбург. Город сумел вернуться к себе. «Ёбург» был только промежуточной стадией превращения «закрытого» советского Свердловска в евроазиатский буржуазный Екатеринбург эпохи глобализма и хайтека.

Его будут называть Екат, но Екат — не Ёбург. А эта книга — про Ёбург. Про Великую Метаморфозу. Про героев, которые здесь делали будущее. Однако — по большому счёту — книга рассказывает не об отношениях людей друг с другом и не об отношениях людей с законом: книга — про отношения людей с городом.

Ёбург. Ёбург. Ёбург.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЗАКРЫТЫЙ ГОРОД

В СВЕРДЛОВСКЕ ВСЁ СПОКОЙНО Городская жизнь до 1985 года

Свердловск запрессовали в шаблон: отформатировали под типовой советский город, в котором за индивидуальность отвечает лишь культурное наследие, а оно рассеяно и никак не выявлено. Для обывателя Свердловск затерялся среди других городов, названных в честь героев партийного пантеона: Ульяновск, Дзержинск, Будённовск, разные там Киров, Куйбышев, Калинин, не говоря уж о Ленинграде. Что обыватель мог сказать про Свердловск? Чё-то где-то на Урале. Вот и всё.

Фантазия рисовала какие-то смутные и грозные картины. Дымящиеся трубы. Чёрные потоки людей в спецовках по рассветным улицам утекают в проходные. Уралмаш огромными ковшами льёт жидкую сталь, озаряя стены цехов. Из ворот завода с рокотом выезжают танковые колонны. В котлованах грузно ворочают решетчатыми стрелами гигантские шагающие экскава-

торы. Композитор Родыгин сидит на снарядном ящике, играя на гармонии песню про уральскую рябинушку: «Треплет под рябиною ветер без конца справа — кудри токаря, слева — кузнеца...»

А каким в реальности был город Свердловск во второй половине семидесятых и в первой половине восьмидесятых, то есть во времена «развитого застоя», как раз в те годы, когда Свердловской областью руководил Борис Ельцин? Большой город, окружённый фантастическими конструкциями индустриальных комплексов и панельными заборами спальных кварталов. Вдоль горизонта плыли заводские дымы. Жилые массивы вдруг переходили в промзоны, чудовищные по масштабу, а пространство города расчленили клинья лесопарков и прудов.

Все города СССР, кроме Москвы и Ленинграда, выглядели малолюдными и низкими, особенно по нынешним меркам: без подсветки, без рекламы, без автомобильных пробок. В первые десятилетия советской власти архитекторы с энтузиазмом загромоздили Свердловск зданиями конструктивизма и превратили город в мировое собрание этого стиля, а на излёте эпохи динамика и энергетика конструктивизма поддерживали типовую панельную застройку, и город не казался монотонным и однообразным. Статусные объекты центра вычленились из среды неоклассикой, словно посреди скороговорки футуристов вдруг начал звучать гекзаметр.

Свердловск называли «столицей Урала» — в такое определение вкладывался некий историко-географический смысл по принципу «елей вместо прав», однако

и на деле Свердловск обладал чертами столичности. На улицах звенели жёлто-красные трамваи «Татра», как в Москве, а не красно-белые вагоны из Усть-Катава, как в Тагиле или Челябинске. В 1967 году Свердловск стал «миллионером».

Областные города имели университеты и набор вузов, как в абитуриентском стишке: «Ума нет — иди в пед, стыда нет — иди в мед, ни тех ни тех — иди в политех». В Свердловске в придачу к обязательному комплекту ещё были горный, архитектурный и юридический институты плюс СИНХ — институт народного хозяйства. Так же и с театрами: сверх ассортимента из драмы, оперы, ТЮЗа и кукольного здесь работал Театр музыкальной комедии. Наконец, в Свердловске выходил зональный литературный журнал «Урал», традиционный «толстяк», а в пару к нему — любознательный и молодёжный «Уральский следопыт».

При «оборонном» характере города казалось немного зловещим, что здесь расположен УНЦ — Уральский научный центр, региональный отдел Академии наук. Хотя город жил мирно. Даже когда в 1979 году из секретного института сбежала сибирская язва и убила 64 человека, эпидемия не вызвала паники. Свердловчане знали: это издержки ситуации. Город и гордился, и тяготился своим значением, своей закрытостью от мира. Из иностранцев в Свердловске бывали в основном чехи: Свердловск был побратимом с Пльзенем, а Уралмаш имел связи с машиностроительной компанией «Шкода». Ну и ещё — в силу странных завихрений международной дружбы СССР — в Свердловске было много монголов.